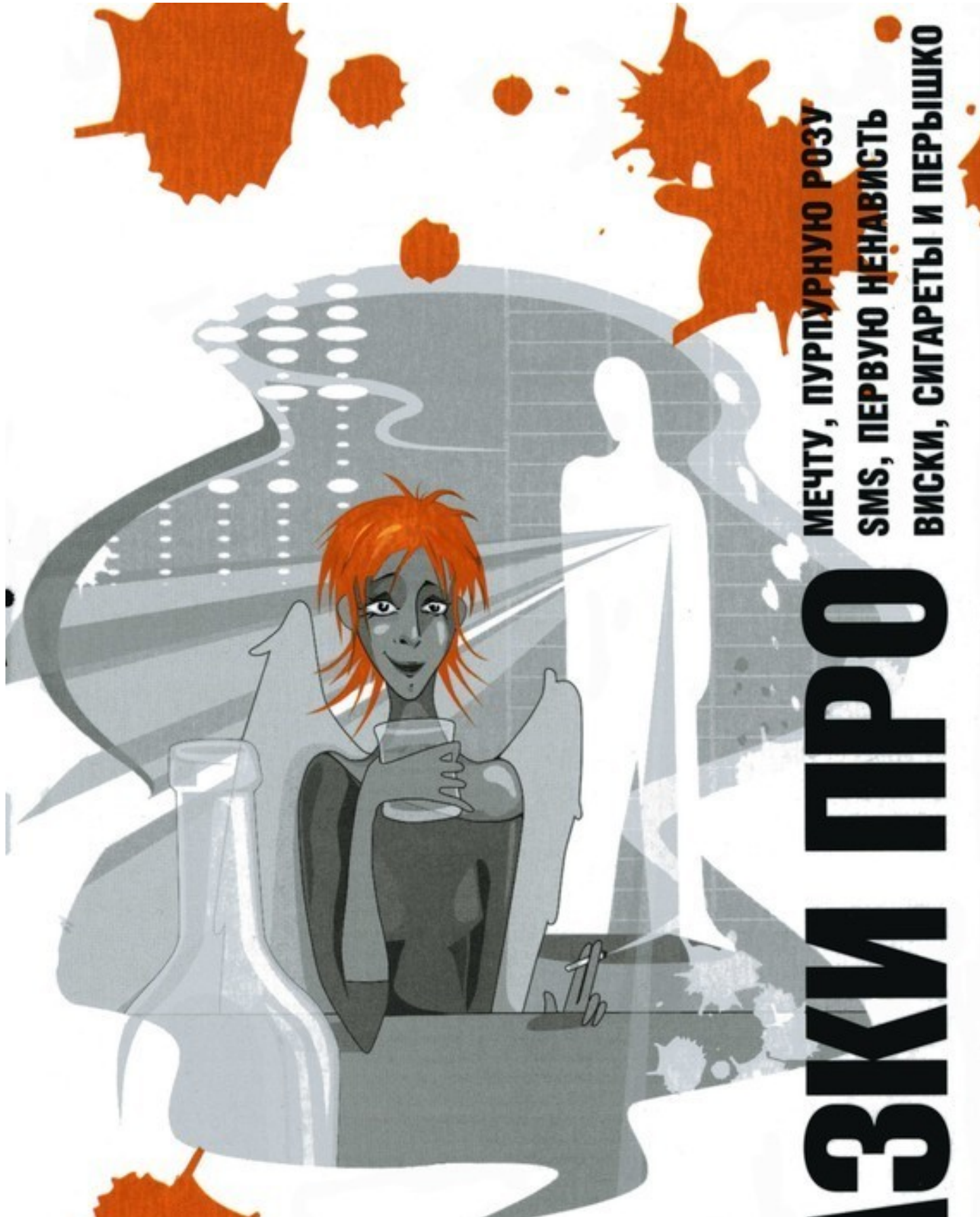

СВЕТЛАНА СОЛОГУБ

СКАЗКИ ПРО

**МЕЧТУ, ПУРПУРНУЮ РОЗУ
SMS, ПЕРВУЮ НЕНАВИСТЬ
ВИСКИ, СИГАРЕТЫ И ПЕРЫШКО**

Светлана Сологуб

Сказки ПРО...

«АРТ-БЮРО КИТОНИ»

2009

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Сологуб С.

Сказки ПРО... / С. Сологуб — «АРТ-БЮРО КИТОНИ», 2009

ISBN 978-5-91679-010-8

Сказки для взрослых про взрослых. И про детей. И про ангелов. Для широкого круга читателей. Детей, взрослых и ангелов.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-91679-010-8

© Сологуб С., 2009
© АРТ-БЮРО КИТОНИ, 2009

Содержание

Сказка про добрую девочку	6
Сказка про бесплодные поиски	7
Сказка про первую ненависть	9
Сказка про виски, сигареты и перышко	14
Сказки про Лушу	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Сологуб

Сказки про...

- © ООО «КИТОНИ», 2009
© Сологуб С., текст, 2009
© Савельева М., иллюстрации, 2009

*Спасибо тебе, муж, за то, что ты всегда появляешься в самый
нужный момент.*

Спасибо тебе, сын, за то, что ты такой, какой ты есть.

Спасибо родителям за понимание.

*Спасибо всем-всем-всем за вдохновение и поддержку, а особенно:
Маше, Лёликам, Юле-Музе, Лене-Twinka, Маше Ф., Андрону Певину,
Вадиму К. «Гордому», Наташе и Кате, и, разумеется, Нелли Иосифовне,
Елене Николаевне, Евгению Эдуардовичу и Шефу.*

Сказка про добрую девочку

Жила-была девочка. Она была очень добрая. Больше всего на свете она любила помогать другим девочкам и мальчикам.

Однажды к Доброй Девочке пришла Глупая Девочка. И сказала:

– Девочка-девочка, помоги мне, пожалуйста. Все вокруг меня дразнят, говорят, что я очень глупая. А ты такая умная. Отдай мне свои мозги, я вставлю их себе в голову и стану умная, и никто больше не будет меня дразнить.

Добрая Девочка с радостью отдала Глупой Девочке свои мозги, и та сразу стала Умной Девочкой.

Потом к Доброй Девочке пришел Неумелый Мальчик. И сказал:

– Девочка-девочка, помоги мне, пожалуйста. Все вокруг меня дразнят, говорят, что я совсем ничего не умею. А ты такая мастерица. Отдай мне свои руки, я приделаю их себе и стану мастеровитым, и никто больше не будет меня дразнить.

Добрая Девочка с радостью отдала Неумелому Мальчику свои руки, и тот сразу стал Мастеровитым Мальчиком.

Потом к Доброй Девочке пришла Медлительная Девочка. И сказала:

– Девочка-девочка, помоги мне, пожалуйста. Все вокруг меня дразнят, говорят, что я очень медлительная. А ты такая быстрая. Отдай мне свои ноги, я прицеплю их себе, и стану быстрой, и никто больше не будет меня дразнить.

Добрая Девочка с радостью отдала Медлительной Девочке свои ноги, и та сразу стала Быстрой Девочкой.

Потом к Доброй Девочке пришел Злой Мальчик. И сказал:

– Девочка-девочка, помоги мне, пожалуйста. Все вокруг меня дразнят, говорят, что я очень злой. А ты такая добрая. Отдай мне свое сердце, я вложу его в свою грудь и стану добрым, и никто больше не будет меня дразнить.

Добрая Девочка с радостью отдала Злому Мальчику свое сердце, и тот сразу стал Добрым Мальчиком.

А Добрая Девочка умерла. Ведь никто не может жить без сердца.

Добрую Девочку похоронили.

Умная Девочка, Мастеровитый Мальчик, Быстрая Девочка и Добрый Мальчик плакали и вздыхали над ее могилой. И говорили:

– Совсем себя не берегла.

Сказка про бесплодные поиски

Первый раз он встретился ей на улице.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я – тот, кого вы искали всю жизнь. Я вас люблю.

Она пожала плечами, посмотрела на часы и ответила:

– Тринадцать минут пятого.

Во второй раз он сел за её любимый столик у окна.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я – тот, кого вы искали всю жизнь. Я вас люблю. Разрешите прикурить.

Она пожала плечами, достала зажигалку и дала ему прикурить.

В третий раз он остановился рядом с ней, сидя в машине.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я – тот, кого вы искали всю жизнь. Я вас люблю. У меня дома есть чудесный фильм. Не желаете посмотреть?

Она пожала плечами, отряхнула ноги от снега и села к нему в машину.

Дома он налил ей шампанского и сказал:

– Любимая. Я – тот, кого ты искала всю жизнь. Я люблю тебя. Я хочу, чтобы ты осталась и принадлежала только мне.

Она пожала плечами, выпила шампанское и поморщилась от пузырьков.

Через час он сказал:

– Любимая, я хочу, чтобы ты бросилась мне на шею. Обещаешь?

Она пожала плечами, встала с дивана и пошла одеваться.

Проводив ее до метро, он сказал:

– Любимая, ты обещала, ты помнишь?

Она пожала плечами, села в поезд и уехала в ночь.

В четвертый раз он встретился ей в коридоре.

– Любимая, – сказал он. – Я – тот, кого ты искала всю жизнь. Я люблю тебя. Ты мне обещала, помнишь?

Она пожала плечами и бросилась ему на шею.

И тот, кого она искала всю жизнь, лопнул.

Его красивые, переливающиеся останки с запахом лимонного мыла разбрызгались по стенкам коридора.

Она пожала плечами и тщательно вытерла руки.

Она позвонила в дверь.

– Здравствуй, – сказала она тому, кто открыл. – Я – та, кого ты искал всю жизнь. Я люблю тебя.

Он пожал плечами и впустил ее внутрь.

Сказка про первую ненависть

Я должен ей сказать. Я. Должен. Ей. Сказать. Больше не могу. Невозможно это держать в себе. Я больше не могу. Постоянно это ощущать там, внутри. В легких. В пальцах. Ха. У меня пальцы трясутся, когда прикуриваю, представляете? Я должен ей сказать.

Да пусть ржут.

Они ничего не понимают. Они не понимают. Эти придурки, наверное, даже не представляют, как это. Постоянно чувствовать... Жар? Да. Холод? Да. Хочешь вздохнуть – и не можешь. Хочешь есть – и кусок не лезет в горло.

И пальцы трясутся.

Я скажу.

Да что я, не мужик, что ли?!

Эй! Подожди.

Привет. Не спешишь? Отлично.

Слушай.

Пройдемся?

Ну, короче.

Давно хотел тебе сказать. Правда, давно.

Слушай.

Погода дрянь, да?

Короче.

Только молчи, ладно?

Я...

Я.

Тебя...

Елки...

Я тебя...

Ненавижу.

Подожди, не говори ничего.

Это правда. Просто поверь. Я тебя ненавижу. Давно, класса с пятого, не помню точно, с чего все началось. Сам не думал, что так получится. Но я ни о чем больше думать не могу.

Не смейся только.

Я не смеюсь.

Я... правда... тебя ненавижу.

Господи, наконец-то я это сказал.

...

Чего молчишь?

Спасибо, что проводил.
Увидимся завтра?

...

Пока?

Пока.

Ма-а-а-а-ама!!!
Дурак, дурак, дурак!!!
Ой, Господи, ой, мамочки...
Так, спокойно.
Спокойно.
Он меня... Он... меня...
А-а-а!!! Не может быть!!!
Спокойно.

Завтра.

Что я надену завтра. Черт, завтра физра, переодеваться, а серая кофточка ужасно мнется...

Спокойно.
О чем это ты, дорогуша, а? При чем тут эта кофточка?
Ты же не собираешься...
Не собираюсь. Вот еще.
Спокойно!!!
Как будто ничего не было. Не было. Ничего не было.

Эй! Привет.

Доброе утро.

...

Сегодня контрольная.
Боюсь жутко, ничего не знаю.

...

А ты боишься?

Нет.

...

Прикольная кофточка.

Хи-хи...

...

Как дела?

...

Хорошо.

...

Не...

Не смотри так.

...

Хи-хи.

У тебя пальцы трясутся.

...

Ну ладно, увидимся.

Подожди!

Ты...

Вчера...

Ох, Господи...

Я тебя ненавижу.

Я ненавижу тебя.

Тебя я ненавижу.

Ненавижу я тебя.

Я...

Подожди!..

Я ненавижу тебя!

Господи...

Подожди...

Я хотела сказать...

Я... тебя...

Ненавижу...

Что?

...

Ты сказала...

Да. Я тебя тоже... Давно... Очень давно. Подожди, молчи. Ты же такой... такой... я и подумать не могла, что ты когда-нибудь меня заметишь, знаешь сколько девчонок в школе тебя ненавидят даже эта примадонна с ногами ну знаешь из десятого а я что я так себе... почему же ты именно меня...

...что ты де...

...мама...

...

*Глянь. Че это они?
Че, че. Через плечо.
Ненависть у них. Не понял, что ли?*

Сказка про виски, сигареты и перышко

*Не нужно забывать, что крылья ангелов не похожи ни на крылья птиц, ни на крылья ветряных мельниц.
(www.angelstoday.net)*

Послушай, эй, ты... Ты, ты, не отворачивайся. И не делай вид, что я не к тебе обращаюсь. Тут все равно больше никого нет.

Смотри на меня! Слушай! Имею право. Хочу сказать.

Потому что занимаюсь этим... Одному Шефу известно, сколько лет я этим занимаюсь. И ради тебя в том числе. Наверное. Точно сейчас сказать не могу, но не исключено. Так что, сиди и слушай.

Ну, пожалуйста.

Я устала. Я очень устала. Надоело до чертиков... Упс... Вот это я зря. За это попадет...

Да, я выпила. Виски. Много-много этого отвратительного пойла. Пахнет половой тряпкой. Половой тряпкой из конюшни. Половой вонючей тряпкой из вонючей английской конюшни. Ненавижу подданных Ее Величества. С ними невозможно работать, они как... как сухари, навсегда забытые в духовке. А вот поди ж ты. Ничего, кроме их вонючего самогона, не развязывает мне язык, веришь...

Пожалуйста, пойми меня. Я не хочу оправдываться. Хочу просто объяснить. Ты поймешь, я знаю. Знаю, знаю. Знать – это тоже моя работа. Моя гребаная работа. Чертовы сигареты... Ну вот, опять. А впрочем, чего уж теперь... У меня нет другого выхода, понимаешь. Это моя работа. Нет. Моя сущность. Мой смысл. Я должна это делать, потому что не могу быть, не делая этого. А я не смогу это сделать, потому что она пожелает, чтобы я этого не делала. А не сделать то, что она желает, я не имею права, потому что это тоже моя работа...

А? Сложно? Ха-ха... Как любит говаривать мой Шеф, никто не обещал, что будет легко.

Я старалась. Все время, все это проклятущее время, которое тянется, как смола на жаре, и ноет, как натянутая струна, и раздражает, как жвачка на ботинке, и... Нет, последняя порция была явно лишней... О чем я... Да.

Я старалась. Я старалась, чтобы ей было хорошо. Чтобы она действительно все это получала. Госэкзамены на отлично? Да пожалуйста. Нужный билет под руку подтасовать – это задача для начинающих. Работу интересную, денежную и без напрягов? Да на, возьми, только тебя в этой фирме и ждали. По мелочи все, по мелочи, как было удобно, а чего ж ей не жилось-то тихо-спокойно, по-человечески... Не работа у меня была последние... неважно, сколько... лет, а сплошное удовольствие. Никаких проблем. Родители здоровы. Пока. Но это уже не мой участок, извините... Подруги все как на подбор умницы-красавицы. Конечно, кто подбирал-то... Мужиков кругом – хоть... гм... много, в общем. На любой вкус, полный ассортимент... Вон мы какого замечательного мачика в будущие мужа определили... Балда, не мальчика, а мачика. Это такой еще мальчик, который думает, что он уже мачо. Ага, смешно... Неважно, главное, он добрый и искренний. Они и внешне похожи, а подобрать такую парочку у нас особым шиком считается. И знакомство получилось просто идеальное, романтическое до соплей, прям горжусь собой... А главное, так было похоже на настоящее...

Она не должна была этого понять. Ей нужно было просто жить. И получать удовольствие. Даже быть счастливой. Я бы и еще постаралась, мне не жалко. И уж поверь моему опыту, она ни за что не отличила бы свое счастье от...

Наливай, чего смотришь. Зажигалка есть? Ага, спасибо. Сейчас самое интересное начнется.

Она не должна была узнать, что он существует. Это не мой прокол, честно. Не я отвечала за то, чтобы он ей на глаза не попался. Это в мои обязанности не входит. В принципе, их желания не должны были совпасть. Никогда. Шеф это дело под свой личный контроль взял... Но чего уж теперь оправдываться. Случилось вот... пересеклись они все-таки. И, че... кхм... елки-молотки... узнали друг друга.

Сейчас, подожди, я постараюсь не так сумбурно...

Понимаешь, изначально они были друг под друга задуманы. Я тебе даже больше скажу – они должны были встретиться. Вовремя встретиться, понимаешь, о чем я?... Красивая история получилась бы, но... Короче. Проспал его куратор. И я... в общем, мы оба проспали. Я не знала, что именно он должен был пасти конкретно вот этого, ну не знала, что у него, на лбу, что ли, написано, или еще где, понимаешь?!

Не понимаешь ты ни хрена... Мне теперь придется разгрести. А я не смогу... Потому что она не захочет, чтобы я разгребала... Не пожелает...

Не смогу разгрести!!! Я не ору! В первую очередь я отвечаю за ее желания! И это, черт меня побери, уже, наконец, моя работа! И я ее сделаю! Потому что не могу не сделать! А потом она пожелает, чтобы я не вмешивалась, и я не смогу, понимаешь ты или нет, не смогу вмешаться! А ведь именно в этом мой смысл... И с теми, кто работу выполнить не может, у нас разговор короткий. То есть, никакого даже разговора, сразу – чик-чик, и до свидания...

Извини. Сорвалась я... Ха... Первый раз...

Не знаю.

Нравится она мне. Мы, вообще-то, не испытываем эмоций к объектам. Так уж устроено. Все на голой технике, захотел – получил. Не захотел – получил тот, кто захотел. Уж извините, правила есть правила. Поэтому эмоции нам запрещены. А то каждый рано или поздно захочет своему любимому объекту подыграть из самых чистых побуждений, ну, сделать что-нибудь приятное без его желания. В результате такой кавардак может начаться, ты не представляешь...

Тсссс... Сейчас раскрою страшную служебную тайну... Наклонись-ка...

Хотеть надо по-особенному, понимаешь? Желать надо сильно. Искренне. Горячо. Хи... Знаешь, почему говорят «горячее желание»? Потому что у меня уши горят, когда она начинает желать... Тихо, не смейся. Главная тайна. Будешь желать – формулируй четко. Сечешь? А то

с последствиями потом не разберешься. Например, пожелаешь завтра на работу не ходить – и с утра в больницу загремишь с приступом аппендицита. А ты думаешь, мы вас с полуслова, что ли, понимать должны? Учти, нечеткая формулировка объектом своего желания может привести к последствиям, несовместимым с продолжением выполнения указанным объектом своих жизненных функций. О. Инструкции мы можем цитировать даже в таком состоянии... Понятно, о чем я? Короче, повнимательнее с формулировками, договорились?

Потому что после нечетких формулировок нам приходится напрягаться и исполнять свои прямые служебные обязанности. Вынимать вас из... оттуда, куда вы сами и попадаете, нажав всякой... Думаешь, легко вот так все время – сначала желание объекта исполни, потому что не исполнить не можешь, а потом этого придурочного объекта и храни, потому что он сформулировать нормально не смог, чего хотел... А? Не охраняй, а храни, я, что, непонятно говорю? У вас говорят – «хранить», а у нас, знаешь, как? «Разгрести последствия». Профессиональный сленг, да...

Проблема в том, что она всегда четко формулирует. Мне поэтому всегда все завидовали. Ничего разгрести не приходилось, основной работы никакой. Легко и просто, да уж...

И сейчас вот она сформулировала. Четко. И я не имею права не услышать хоть одну букву в ее желании.

А когда будут последствия, она сформулирует еще отчетливее. А мне ничего не останется, как выполнить и это. Потому что ее желание будет абсолютно искренне и абсолютно горячо. Какое желание? Да простенькое. Чтобы я постояла в сторонке, пока эти последствия будут. Неее... Про последствия я тебе даже и на ушко не могу... и не проси. Я знаю. Чудак ты, человек, я же сказала, я все знаю. Могу устроить так, что вы познакомитесь, тогда и ты узнаешь. Только знакомиться надо быстро, а то времени маловато осталось...

Не надо? Правильно, не надо. А то насмотришься – вообще желать перестанешь. И твой со скуки сдохнет. Или сопьется. У нас это запросто.

Чего, не веришь до сих пор, что ли?

Ладно, так уж и быть, смотри. Сигарету только убери, а то подпалишь ненароком... Ох, не люблю я это... Больно-то как... А-а-а... Нал-лей...

Рот закрой. С тебя вата и лосьон какой-нибудь. А то у меня потом вся спина в прыщах и чешется. Смотри-смотри. Красивые, правда? Еще бы, уж как я за ними ухаживала...

А на нее, представляешь, даже они не действовали. Я ж честно пыталась предупредить. Понимаешь? Все инструкции нарушила. Явилась ей. Нечего ржать опять, это тоже сленг. А она все равно...

Уперлась. Четко сформулировала и уперлась...

А, ладно. Мне-то теперь одна дорога. И кое-куда похуже, чем просто в ад.

В конце концов. Ничего личного, это просто моя работа. И я все исполню.

Увидимся на земле, человек.

Перышко подбери.

Это у нас плохая примета – перья терять.

Сказки про Лушу

Кто такая Луша

Если вы захотите познакомиться с Лушей, она непременно склонит головку к левому плечу, указательный палец правой руки засунет в рот и внима-а-а-тельно-внимательно рассмотрит вас с ног до головы. Если то, что Луша увидит, ей не понравится, она быстренько шмыгнет за маму, крепко-накрепко ухватится за мамину ногу и будет молчать, как бы вы ни пытались вытянуть из нее хоть словечко.

Луша очень хорошо умеет молчать. В свои пять с хвостиком она уже освоила: молчание выразительное, молчание многообещающее, молчание зловещее, молчание таинственное и даже просто-так-молчание-когда-просто-так-хочется-помолчать.

Нет, вы не думайте, говорить Луша тоже умеет хорошо. И если Луше захочется с вами поговорить – а это может произойти только в том случае, если вы ей понравитесь при знакомстве – вы можете смело рассчитывать на час, а то и два увлекательнейшей беседы обо всем на свете. Правда, логопед в детском саду считает, что Луша, беседуя обо всем на свете, не очень правильно выговаривает шипящие, но Луша думает, что шипят пусть змеи, а она – девочка, а не змея, а девочки не шипят.

Если вы понравитесь Луше, она отпустит мамину руку, сделает шагочек вперед, присядет в книксен – даже если при этом на ней будут надеты, например, шуба и валенки – и торжественно представится:

– Лукерья. Витольдовна. Иванова. Можно просто Луша.

И распахнет широко-широко невероятные карие глазищи, наблюдая за вашей реакцией.

В свои пять с хвостиком Луша уже умеет наслаждаться впечатлением, которое производит на незнакомцев ее полное имя. И фамилия. И отчество. А особенно имя-отчество-фамилия вместе.

Самый глупый вопрос, который вы можете задать Луше после того, как она вам представится:

– Твоего папу зовут Витольд?

В ответ вы услышите молчание зловещее.

Как мама и Луша ехали в Любимый Парк

Однажды весенним воскресеньем Луша и мама решили пойти погулять в Любимый Парк. Луша всегда сильно-сильно радовалась, когда мама вдруг хватала ее на руки, кружила по комнате и, смеясь, говорила:

– Ну что, Луша, найдем силы в единственный выходной сделать праздник для души?

В свои пять с хвостиком Луша уже хорошо понимала, что такое «единственный выходной», и почему он единственный, хотя, по правде говоря, по календарю выходных полагается два. Но как они с мамой ни старались, суббота ну никак не хотела становиться выходной. Суббота получалась спальная-до-обеда, закупочной-на-неделю, генерально-уборочной, бабушкиной, какой угодно, но не выходной. А вот воскресенье... Воскресенье было «праздником для души» – веселым, ярким и потом еще обязательно вкусным.

Любимый Парк был дальше от их дома, чем Ближний Парк. Чтобы до него добраться, вам нужно сначала перейти дорогу, потом сесть на большой зеленый автобус, проехать две остановки и еще пройти немножко пешком. Но зато в Любимом Парке есть разноцветные горки, качели, на которых можно качаться одной, качели, на которых можно качаться еще с кем-нибудь, и огро-о-мная песочница, в которой можно играть втысячером.

– Нет такого слова – «втысячером», – сказала мама.

– Почему? – спросила Луша.

– Не знаю, – мама пожала плечами, – просто нет, и все.

– «Вдвоем» есть? – спросила Луша.

Мама кивнула.

– «Втроем» есть, и «вчетвером», и «впятером», и «вшестером», и «всемером»...

– Луш-ша, – прошипела мама, нервно оглядываясь на других пассажиров зеленого автобуса.

– Даже «вдесятером» есть, – сократила подсчет Луша, – почему же нет «втысячером»? Ему обидно.

– Кому?! – переспросила сбитая с толку мама.

– «Втысячеру».

Дяденька на соседнем сидении не выдержал и хмыкнул.

Мама вздохнула и взяла Лушу за руку.

– Нам выходить, смотри внимательно под ноги.

Дяденька с соседнего сидения встал и тоже собрался выходить. Луша рассматривала свое отражение в дяденьковом блестящем портфеле. Отражение было расплывчатое и какое-то чумазое. Портфель качнулся и поплыл вверх. Луша подняла голову вслед за портфелем и увидела, что дяденька лукаво ей улыбается. Глаза у него были зеленые и хитрые, как у Братца Лиса.

– Передай ему привет, – сказал дяденька и подмигнул.

– Кому? – спросила Луша. Дяденька ей понравился, пусть и с лисьими глазами.

– Втысячеру, – абсолютно серьезно сказал дяденька.

– Хорошо, я передам, – солидно кивнула Луша. – Только вы скажите, как вас зовут, я же не могу передать привет не знаю от кого.

– Луш-ша, – опять прошипела мама. Вот мама у Луши замечательно выговаривала все шипящие.

– Кирилл, – хихикнул дяденька, но посмотрел при этом почему-то на Лушину маму. А мама покраснела и вцепилась в Лушину руку, прямо как клещ.

– Что ты за ребенок? – горестно спросила мама, когда они подходили к Любимому Парку. – Почему, скажи мне, ну почему в любом общественном месте, да хоть в автобусе, ты всегда оказываешься в центре внимания?

Луша решила в ответ промолчать многозначительно.

Про мамин волшебный глаз

Когда Луша покачалась на качелях, покаталась с горки и испекла целых восемь пирожков с мясом и один – из голубой формочки – с черничным вареньем, ей стало скучно. Она посмотрела на маму. Мама сидела на скамеечке и одним глазом читала толстую книгу.

Луша точно знала, что читает мама только одним глазом, потому что второй глаз у мамы был волшебный и всегда наблюдал за Лушей. Луша об этом узнала, когда захотела потихоньку от мамы вытащить из холодильника сгущенку и съесть одну ложечку, всего одну, честное слово. Но стоило ей приоткрыть холодильник и взять баночку, как мама крикнула из гостиной: «Луша, немедленно поставь сгущенку на место и закрой холодильник!» Луша так удивилась, что без споров поставила баночку обратно и холодильник тоже закрыла. «Мама, – спросила она, – ты что, видела меня?» – «Конечно, – ответила мама, – я всегда тебя вижу одним глазом. Он у меня волшебный». – «А какой? – спросила Луша. – Правый или левый?» – «Не скажу, – мама сурово сдвинула брови, – это тайна всех мам на свете. Если я тебе ее открою, другие мамы никогда не будут со мной разговаривать». Луша пошла к себе в комнату, посадила куклу Зою на кровать, сама села за свой столик и попыталась одним глазом смотреть на яркие цветы, нарисованные на столике, а другим следить за тем, что делает Зоя. Ничего-то у нее не получалось. Только голова закружилась. «Значит, – расстроилась Луша, – у меня никакой глаз не волшебный. А может быть, только у взрослых мам глаза волшебные?» Луша хотела спросить об этом маму, но тут Зоя раскапризничалась, Луша с ней совсем закрутилась и забыла, о чем хотела спросить маму.

Как Луша встретила в Любимом Парке настоящую колдунью

Теперь Луша смотрела на маму и пыталась угадать, какой же глаз у нее волшебный. Если правый – значит, мама сейчас очень хорошо видит, что делает Луша, потому что скамеечка стоит немного правым боком к песочнице. А если левый? Если левый, подумала Луша, то он никак не может видеть песочницу. Или волшебные глаза умеют вылезать на нос? Или они видят даже сквозь голову?

Луша встала. Мама продолжала читать. Луша огляделась.

Ряды скамеечек уходили от детской площадки во все стороны. Скамеечек было много, наверное, сто или даже целая тысяча. Почти на всех скамеечках кто-то сидел. Вон дяденька одной рукой что-то пытается сделать со своим мобильником, а другой туда-сюда возит розовую коляску. Вон тетенька и малыш кормят голубей и воробьев булочкой. Луша тоже любила кормить голубей и воробьев булочкой. Однажды им с мамой попались такие смелые голуби, что их можно было кормить прямо с руки. Большой белый голубь с коричневыми пятнышками осторожно склевывал крошки с ладони и при этом смешно урчал, ну просто как котенок. А Луша совсем-совсем не боялась, потому что клюв у голубя оказался вовсе даже не острый, а только твердый, как карандаш. У малыша кончилась булочка, и он с визгом пробежал сквозь стаю. Воробьи бросились врассыпную, а голуби тяжело зашуршали крыльями и полетели низко над землей мимо детской площадки. Луша проводила их взглядом.

И тут она увидела волшебницу.

Волшебница была уже немножко старенькая. Она сидела на дальней скамеечке, подставив морщинистое личико под солнечные лучи, покачивала ногой в ярко-синем тапке с загну-

тым носом и улыбалась. На голове у нее была настоящая остроконечная шляпа, которую носят все настоящие волшебницы, а на плечах – шелковый плащ со смешными помпончиками.

Луша положила совок в ведро, вылезла из песочницы и решительно направилась к дальней скамеечке. Мама ничего ей не сказала, даже голову от книги не подняла. Луша хотела предупредить маму, что сходит к дальней скамеечке, но потом подумала, что можно не волноваться, ведь мамин волшебный глаз все видит.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Луша, примостившись на скамеечке рядом с волшебницей.

Та приоткрыла один глаз, скосила его на Лушу и ответила:

– Привет.

– Вы правда волшебница? – спросила Луша.

– Не-а.

Луша удивилась. Не могла же она ошибиться. Вот же – и шляпа, и плащ.

– Я не волшебница, – сказала старушка, переводя взгляд внимательных серых глаз на Лушу. – Я колдунья. Я была волшебницей в молодости. А сейчас я стала настоящей колдуньей. А ты кто?

– А я Лукерья, – Луша слезла со скамеечки, сделала книксен и забралась обратно, – Витольдовна. Иванова.

Колдунья расхохоталась. Луша заметила, что зубов у нее во рту почти нет, как у бабы Яги.

– А вы точно не баба Яга? – на всякий случай спросила Луша.

Старушка перестала смеяться.

– Абсолютно точно. Баба Яга живет в лесу. А я здесь, в городе. Ты не обиделась на меня? Просто у тебя очень необычное имя. И отчество.

– Нет, – прямо как мама, пожала плечами Луша, – многие смеются, когда я представляюсь. Я люблю, когда смеются. Не люблю, когда делают вот так.

Луша широко-широко разинула рот и выпучила глаза. Колдунья опять расхохоталась. Дяденька и тетенька, которые в это время проходили мимо скамеечки, почему-то шарахнулись в сторону и прибавили шагу. Луша тоже рассмеялась. Ей было хорошо рядом с колдуньей, ни капельки не страшно и очень интересно.

– А вы можете что-нибудь наколдовать? – спросила Луша. – Вот прямо сейчас взять и наколдовать.

– Запросто, – подмигнула старушка. – Чего бы тебе хотелось?

– А пусть дождь пойдет, – сказала Луша. – Я люблю, когда дождь.

– Пожалуйста!

Колдунья изо всех сил зажмурилась, сжала кулачки и быстро-быстро зашептала:

– Хочу, чтобы пошел дождь, хочу, чтобы пошел дождь, хочу, чтобы пошел дождь... И-и-и... Оп!

Она подпрыгнула на скамеечке и громко хлопнула в ладоши.

Луша с надеждой задрала голову. Ничего не произошло. Солнышко светило все так же задорно, на небе не было ни облачка.

– А где же дождь? – расстроилась Луша.

– Э-э-э, нет, милочка! – колдунья погрозила Луше пальцем. – Волшебство так сразу не случается! Сначала нужно придумать, что ты хочешь. Потом сильно-сильно захотеть, вот так, – она опять зажмурилась и сжала кулачки, – и много-много раз повторить, что ты хочешь, чтобы не забыть. Потом хлопнуть! И потом ждать. Если ты все сделаешь правильно, то волшебство случится через неделю. А если где-то напортачишь, то через месяц или через год. А может быть, вообще через сто лет.

– Да-а? – Луша очень удивилась. – А я читала в сказках, что нужно просто взмахнуть волшебной палочкой... и все... Как фея, которая помогла Золушке поехать на бал, помните?

– Фея, – фыркнула колдунья. – Запомни, милочка, все феи – дилетантки. Надолго ее волшебства-то хватило? Всего на шесть часов!

А мой дождь будет идти двенадцать дней, представляешь, целых двенадцать дней! Это ж почти две недели! И вообще. У тебя есть волшебная палочка? – строго спросила старушка.

– Нет, – Луша совсем растерялась. Неправильная какая-то колдунья ей встретилась. Это у колдуний должны быть волшебные палочки, а не у девочек.

– И у меня нет. Настоящие колдуньи обходятся без всякой ерунды вроде палочек, запомни это, милочка, хорошенько и на всю жизнь!

Запомнила?

– Запомнила, – кивнула Луша. – А что такое «диле-танки»?

Колдунья собралась было ответить, но тут...

...раздался отчаянный вопль мамы.

– ЛУКЕРЬЯ!!!

Мама бежала по тропинке так быстро, как будто ее нес вихрь, точно такой же как тот, который забросил Элли с Тотошкой в Волшебную Страну.

– Извините, – сказала Луша колдунье, – мне надо идти.

– Конечно, – улыбнулась старушка и весело ей подмигнула. – Из тебя получится отличная волшебница!

Луша хотела сказать, что вряд ли из нее получится волшебница, у нее даже волшебный глаз не работает, но тут вихрь, наконец, принес маму.

– Лукерья! – мама схватила ее за плечи и несколько раз встряхнула.

– Ты соображаешь, что делаешь?! Я сколько раз тебе говорила, что нельзя уходить от меня! Я сколько раз тебя просила, не разговаривай с незнакомыми людьми!

– Она знакомая, – Луша попыталась ответить спокойно, но мамины руки сами вытрясли из нее слезы, – она знакома-ая! Это моя знакомая колду-унья!!!

Мама уставилась на старушку, широко открыв рот и вытаращив глаза. Та ухмыльнулась, вальяжно откинулась на спинку скамейки и повелела:

– А ну, закрой-ка рот, милочка! Твоя дочь не любит, когда так делают.

Мама вздрогнула, закрыла рот, прижала к себе Лушу и повела ее прочь от колдуньи.

– Ты сведешь меня в могилу, – мрачно сказала мама.

Луша промолчала обиженно, глотая слезы.

Вдруг у них за спиной послышался еще один вопль, почти такой же громкий, как мамин.

– МАМА!!!

Луша вывернулась из-под маминой руки и оглянулась. Мама тоже остановилась. К скамеечке по другой тропинке бежала тетенька в разных туфлях на босу ногу и красном плаще, накинутом прямо на халат. Ее длинные темные волосы растрепались и торчали во все стороны. А может быть, именно так волосы встают дыбом, подумала Луша, от изумления перестав плакать. Без сомнения, это была дочка колдуньи. То есть волшебница. Луша теперь знала, что волшебницы – это молодые колдуньи. Волшебница подбежала к скамеечке, упала рядом с колдуньей и, держась за грудь, попыталась перевести дыхание.

– Ма-ма... – еле выговорила она, – сколько раз... я тебе говорила... не уходи из дома, не... не предупредив меня... сколько раз я тебя просила... не разговаривай ни с кем... Опять нацепила тоськину шапку... Зачем ты завернулась в покрывало?! Старушка фыркнула и отвернулась, промолчав с достоинством. Луша запомнила, как это делается.

– Пойдем, – растрепанная волшебница поднялась и взяла старушку под руку. – Ты сведешь меня в могилу.

Они сделали пару шагов по тропинке. Дочка колдуньи обернулась и посмотрела на Лушу с мамой.

– Извините, – пробормотала она, страшно смущаясь, – мама, наверное, напугала вашу дочку... Не беспокойтесь, она не агрессивная...

– Ничего, – ответила мама, тоже страшно смущаясь, – все бывает...

Колдунья подмигнула Луше. А Луша подмигнула колдунье.

Как Луша наколдовала мороженое

Пока они с мамой ждали автобуса, чтобы поехать домой, Луша решила проверить, получится ли у нее что-нибудь наколдовать. Она принялась озираться в поисках источника вдохновения. Источник обнаружился рядышком, буквально в двух шагах от автобусной остановки. Ларек с мороженым призывно поглядывал на Лушу открытым окошком, манил разноцветными картинками с эскимо, стаканчиками и брикетиками.

– Не вертись, – сказала мама, – стой спокойно.

Луша отвернулась от ларька. Она вспомнила все, что делала колдунья, крепко-крепко зажмурилась, сжала кулачки и быстро-быстро зашептала себе под нос, стараясь, чтобы мама не услышала:

– Хочу, чтобы мы купили мороженку, хочу, чтобы мы купили мороженку, хочу мороженку... Оп! – крикнула Луша и изо всех сил хлопнула в ладоши. Мама вздрогнула.

– Луша, ты что? – сказала она укоризненно. – Ты решила меня сегодня совсем довести? У меня и так чуть разрыв сердца не случился, когда ты из песочницы ушла...

Луша в ответ молчала сосредоточенно, повторяя про себя: «Хочу мороженку, хочу мороженку...»

Мама вздохнула, посмотрела вдаль, машины ехали и ехали, машин было очень много, а автобусов ни одного. И даже маршрутки, которые обычно суетились и бегали туда-сюда, как большие желтые муравьи, и те куда-то запропастились.

Мама еще раз вздохнула и присела перед Лушей на корточки.

– Горе ты мое Луковое, ты не находишь, что нам с тобой нужно срочно снять стресс?

Луша опять промолчала, боясь открыть рот, чтобы не напортачить в колдовстве.

– Врачи говорят, что для снятия стресса полезно ходить пешком и кушать сладкое. Как ты смотришь на то, чтобы купить мороженого и прогуляться до дома? Погода хоро...

– Ура-а-а!!! – завопила Луша во все горло. Мама пошатнулась и чуть не упала.

– Луша, – строго сказала мама, выпрямляясь, – если ты не прекратишь кричать, я отменю все мороженое на месяц!

– Сработало! – крикнула Луша чуточку потише.

– Что сработало? – переспросила мама, копясь в сумочке в поисках кошелька.

– Колдунство сработало!

– Колдовство... – машинально поправила мама, доставая кошелек.

– Постой-ка.

Она с подозрением, даже с опаской посмотрела на Лушу.

– Какое колдовство, Луша, не морочь мне голову.

– Меня колдунья в парке научила, – Луша перевела дух и принялась торопливо объяснять, – если хочешь что-нибудь наколдовать, надо сначала закрыть глаза, вот так, потом быстро-быстро сказать, что хочешь, пото-ом ка-ак хлопнуть! И все!

– А-а-а! Значит, хлопнуть, и все? Ну-ну, – мама отвернулась и начала отсчитывать мелочь.

Луша поняла, что мама ей не поверила.

от нее книжку, поправляют одеяло, потом мамины мягкие губы нежно целуют ее в кончик носа и мамин ласковый голос шепчет: «Я тебя люблю, Лушко счастья, все у нас будет хорошо».

По рабочим дням так бывает почти всегда. Больше всего Луша не любит, если так бывает по субботам или воскресеньям.

Но сегодня было не так. Сегодня мама сама научила Зою писать уж-жасно слож-жную букву Ж, похож-жую на большого черного ж-жука. Потом они вместе с Лушей громко смеялись над той серией, в которой Джерри спасал от Тома вечно голодного мышонка-подкидыша, но все равно в конце им стало жалко несчастного Тома. Потом мама напустила целую ванну земляничной пены и соорудила у Луши на голове корону, как у Снежной Королевы. Потом мама завернула Лушу в огромное пушистое полотенце, отнесла в кровать, помогла надеть пижамку, расчесала деревянным гребешком Лушины волосы и уютно подоткнула со всех сторон одеяло.

А потом у Луши случилось настоящее Счастье.

Мама не стала сразу целовать ее в нос и желать спокойной ночи, а погасила верхний свет, включила ночник и прилегла рядом. Это означало, что они сейчас будут сочинять Самую Правдивую Историю На Свете Номер Пятнадцать. Сказки они не сочиняли из принципа. Луша считала, что сказок и так много напридумано, а вот правдивые истории почему-то никто никогда не сочиняет. Они с мамой уже выдумали Историю Про Сбежавшую Кашу, Историю Про Заблудившийся Дождик, Историю Про Высокую Температуру, Историю Про Капризный Троллейбус, всего четырнадцать самых что ни на есть правдивых историй.

– Ну-с, юная барышня, – сказала мама тихонько, – про что же будет наша Правдивая История Номер Пятнадцать?

– Про маленькую волшебницу, – не моргнув глазом, ответила Луша.

– Ага, – мама поерзала, устраиваясь поудобнее. – Тогда ты первая начинай, я ведь уже не маленькая. Совсем даже не маленькая, ноги вон не знаю, куда деть...

– Все колдуньи рождаются волшебницами, – начала Луша, пока мама искала, куда пристроить ноги, – это они уже потом становятся колдуньями, когда вырастают.

– Да-а? – с интересом переспросила мама, перестав, наконец, ворочаться. – Забавно... Значит, они прямо с рождения умеют колдовать?

– Конечно, умеют, – уверенно заявила Луша, – только немножечко, по-простому.

– Как это, «по-простому»? – опять спросила мама. Иногда мама становилась ну совсем непонятливой, хуже, чем Зоя, честное слово.

– То есть они умеют колдовать только простые вещи, – терпеливо объяснила Луша, – например, мороженое.

– А-а, – поняла мама. – Так что же наша маленькая волшебница? Где она живет? Кто ее родители?

– Она живет в замке на вершине самой высокой горы, мама у нее королева, а папа рыцарь, – не колеблясь ни минуты, выпалила Луша. Мама хихикнула.

– Так уж прямо и в замке? А волшебницы не рождаются у простых мам и пап? Только у королей и рыцарей?

Луша помолчала озадаченно. Можно, конечно, волшебнице родиться и у обычных родителей, но ведь тогда это будет настоящая сказка, а не правдивая история. По правде маленькая волшебница может родиться только у королевы и рыцаря.

– Нет, – решительно помотала головой Луша, – не рождаются. А если ты, мама, знаешь лучше меня, тогда сама рассказывай.

– Пожалуйста, – мама откашлялась, – однажды, когда папа маленькой волшебницы уехал на очередной рыцарский турнир и все никак не возвращался, мама маленькой волшебницы решила развеять грусть-тоску и пройтись по магазинам...

– Мама, – укоризненно перебила Луша, – ты думаешь, что говоришь? Как может королева ходить по магазинам?! Сама?! У нее для этого прислуга есть!

– Все, я молчу, – мама сложила руки на груди и надулась, уставившись в потолок, – тебе, разумеется, куда лучше меня известно о жизни настоящих маленьких волшебниц. Рассказывай, я слушаю.

– Слушай, – Луша наставительно потрясла пальцем перед маминым носом, прямо как воспитательница Елена Игоревна, – папа маленькой волшебницы никогда не ездил на рыцарские турниры, потому что он очень любил королеву и маленькую волшебницу тоже любил и ни на минуточку не хотел оставлять их одних.

Мама как-то странно вздохнула и крепче стиснула руки.

– И еще недалеко от их замка жил ужасный великан, который хотел утащить маленькую волшебницу к себе в пещеру и заставить ее с утра до вечера колдовать ему мороженое. Рыцарь и королева ни капельки не боялись этого великана, но все-таки решили на всякий случай купить в замок дракончика, чтобы он охранял волшебницу, пока они на работе.

– Стоп, – сказала мама, – разве королевы и рыцари работают?

– А как же, – серьезно кивнула Луша, – ты, мама, даже не представляешь, какая у королев и рыцарей тяжелая работа. Королеве нужно всеми руководить, а рыцарю – всех спасать... Ну, слушай дальше.

И Луша еще долго-долго рассказывала маме о том, как королева, рыцарь и маленькая волшебница выбирали в магазине дракончика, как тот рос-рос и превратился в настоящего сторожевого дракона, и съел ужасного великана. И о том, как папа волшебницы устроил тогда пир на весь мир и пригласил всех-всех друзей маленькой волшебницы, а королева испекла семиэтажный пирог с вишневым вареньем. И о том, как в разгар праздника прилетела бабушка маленькой волшебницы – настоящая ведьма, и обиделась, что ее не пригласили, и превратила рыцаря в жабу и приказала ему жить в болоте до тех пор, пока королева и маленькая волшебница не найдут его среди тысячи таких же жаб и не поцелуют...

Сначала мама хихикала, потом она стала говорить только «угу», «ага» и «м-м-м?», а потом вообще перестала говорить и смешно засопела носом. Луша прервала правдивую историю на самом интересном месте, оперлась щекой на кулачок и принялась рассматривать маму.

Луша очень любила смотреть, как мама спит. Во сне мама была совсем не похожа на взрослую тетеньку, она будто бы превращалась в Лушину сестренку. Лицо у мамы становилось спокойным и чуточку беззащитным, со лба и от глаз убегали все морщинки. Иногда мама даже улыбалась во сне, и тогда Луше казалось, что это и не мама вовсе, а настоящая Спящая Красавица, и хотелось, чтобы мама спала вот так долго-долго и улыбалась, а Луша смотрела бы на нее, смотрела... А потом ладно, так уж и быть, пусть приезжает этот принц на белом Мерседесе. Он поцеловал бы маму, мама бы проснулась, познакомила бы принца с Лушей, и они жили бы втроем долго и счастливо... Как жили Одуванчик, Незабудка и Божья Коровка в их с мамой Самой Правдивой Истории Номер Восемь.

Вдруг мама нахмурилась во сне, беспокойно заворочалась и тихонечко застонала. Из уголка ее левого глаза выползла слезинка и медленно поползла по щеке. Луша вытерла слезинку и почему-то вспомнила, как мама сказала сегодня в парке: «Ты сведешь меня в могилу».

Луша попыталась представить, как это должно быть.

Вот – вырытая огромная, глубокая черная яма, и вокруг тоже черным-черно, потому что ночь, днем ведь в могилу никого не сведешь, и дует сильный холодный ветер, и страшные корявые деревья качаются, скрипят, тянут ветки, похожие на скрюченные пальцы... И Луша тащит маму за руку к этой огромной яме, а мама упирается, плачет и кричит: «Луша, не надо, не своди меня в могилу, я не хочу, пожалуйста...»

Луша так отчетливо увидела все это – и яму, и ночь, и деревья, и плачущую маму, что тут же разрыдалась в полный голос.

Мама резко села, чуть не упала с кровати, вскрикнула, спросонок вертя головой во все стороны:

– А?! Что?! Луша! Ты что?

Мамины руки лихорадочно ощупали Лушу с головы до ног.

– Что? Что ты плачешь? Где-то болит? Где болит? Что такое?

А Луша плакала и плакала, и слезы все лились и лились, и никак не хотели останавливаться, Луша даже не думала, что в ней скопилось столько слез.

– Ма-м-ма!.. – срывающимся от плача голосом проговорила она.

– Я не... не хочу... Я ни-когда... не буду сво... дить... тебя... в... в м-мо-ги-и-лу-у!..

Мама побежала на кухню, уронила там что-то, примчалась обратно со стаканом воды, дала Луше напиться, бережно придерживая за голову и бормоча что-то успокаивающее. Потом укутала ее в одеяло, сама легла рядышком, обняла и принялась баюкать, совсем как маленькую лялечку. Луша потихоньку успокоилась, перестала плакать и только глубоко вздыхала иногда.

– Мама, – пробормотала она, уже почти совсем засыпая, – ты не волнуйся, я обязательно наколдую тебе принца... на белом Мерседесе...

Про детский сад

Ровно через неделю пошел дождь. Казалось, что злой великан взял огромный молоток и намертво прибил мрачные серые тучи над Лушиным городом.

Удивительно, но дождь не прекращался ни на минуточку вот уже пятый день. Он то лил, как из ведра, то едва-едва моросил, то падал отдельными крупными каплями. То есть, это, конечно, для всех было удивительно, но только не для Луши.

В пятницу вечером Луша сидела на кухне у окна и смотрела на грустную мокрую улицу. За ее спиной мама быстро-быстро тарабанила по клавиатуре, а снаружи дождик наперегонки с мамой тарабанил по карнизу. Через полчаса упорного соревнования дождик выиграл. Мама потянулась, сладко зевнула и выключила компьютер.

– Ну, надо же, – вздохнула мама, взглянув в окно поверх Лушиной макушки, – ни единого просвета. Вот это погодка...

– Ага, – отозвалась Луша, расплющивая нос о стекло, – и так еще будет почти неделю.

– В смысле? – не поняла мама. – Ты, что, слышала прогноз?

– Не-а, – Луша пыталась рассмотреть, что происходит около соседнего подъезда, кажется, туда только что побежала какая-то собака бездомного вида, – колдунья сказала, что ее дождь будет идти двенадцать дней. Давай посчитаем.

Луша отлипла от окна и принялась загибать пальцы.

– Воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница – это шесть. Шесть плюс шесть – двенадцать. Значит, еще шесть дней дождя осталось.

Луша опять прижалась к стеклу.

– Вы, что, в садике уже дальше десяти считаете? – невпопад спросила мама.

– Ага, – устало вздохнула Луша.

Воспоминания о садике испортили ей все удовольствие от созерцания дождливой улицы.

– Мама, а может быть, мне в выходные босиком по лужам побегать? – произнесла Луша, задумчиво водя пальцем по подоконнику.

– Вдруг удастся заболеть и взять больничный?

– Луша, ну, что ты такое говоришь?! – возмутилась мама. – Тебе очень сильно хочется заболеть?

– Не-а, – ответила Луша и, вздохнув, слезла с табуретки. – Мне просто очень сильно не хочется в садик.

Мама села на Лушину табуретку, а Лушу усадила к себе на колени и крепко-крепко обняла.

– У нас впереди еще целая суббота и целое воскресенье, по крайней мере, на два дня о садике можно забыть. Это во-первых. А во-вторых, неужели тебе в садике плохо? У вас такие хорошие воспитательницы...

– Да, – покорно кивнула Луша, – хорошие... Но, во-первых, Елена Игоревна ни минуты нам не дает посидеть спокойно. То рисовать заставляет, то считать, то лепить, то хороводы водить... Что я, маленькая, хороводы водить? А лепить я вообще не люблю: пластилин везде липнет и от платья не оттирается... А во-вторых, Дарья Васильевна на нас все время орет. Так орет, что Миша даже один раз описался, когда она орала, а он уже взрослый мальчик, почти мужчина, так его папа говорит, я сама слышала. Но Дарью Васильевну-то как раз понять можно. У нее возраст. И климат...

– Что?! – переспросила мама, отстраняя от себя Лушу. – Что у нее?!

Луша опять вздохнула и серьезно объяснила:

– Виталик слышал, что Елена Игоревна жаловалась Юлии Петровне, что Дарья Васильевна на нее, то есть Елену Игоревну, понимаешь, да? – тоже орет. И на нас орет, а мы, говорит Елена Игоревна, самая хорошая группа во всем детском саду. А Юлия Петровна утешала Елену Игоревну и говорила, чтобы она терпела, ничего не поделаешь, у Дарьи Васильевны возраст и климат...

Мама молча затряслась, сдерживая смех. Луша этого не заметила, потому что опять смотрела в окно.

– Как ты думаешь, мама, может быть, Дарье Васильевне нужно уехать жить в Африку? Там климат лучше...

Мама сдавленно хрюкнула в ответ, ссадила Лушу с колен и взялась мыть посуду, хотя в мойке было-то всего две тарелки и блюдо.

– А мне все равно, какой климат, – сказала Луша, следя за явно бездомной собакой, которая медленно трусилась по тропинке мимо их подъезда, – я и дождик люблю. Но в садике в дождик неинтересно. Гулять можно только на террасе, лужи трогать нельзя, в песок играть нельзя, бегать нельзя, мячиком стучать нельзя... Когда все в жизни нельзя, это же очень скучно, мама, правда?

– Правда, – кивнула мама, вытирая тарелку, – но представь на минуточку, что стало бы с вашим садиком, если бы всем сразу все разрешили?

Луша пожалала плечами и промолчала печально. Как это мама не понимает, что если всем сразу все разрешить, то всем сразу станет уж-жасно весело.

Про Лушину бабушку

Иногда на выходные к ним приезжала бабушка Люся. То есть Люсей мама и Луша называли бабушку, когда ее не было рядом. А когда бабушка приезжала, обращаться к ней можно было только «Люсьена» и никак иначе.

Луше совсем не нравилось имя Люсьена, ей казалось, что так лучше было бы назвать собачку, а не бабушку. И еще Луше не нравилось, что мама почти всегда уходила куда-то, когда бабушка приезжала. Конечно, мама возвращалась часа через два, иногда через три, но выдержать три часа с бабушкой, это было как... почти как... как если бы Лушу заставляли бы три часа подряд полоскать горло самым горьким лекарством. Знаешь ведь, что надо, но все равно противно. Перед бабушкиным приездом полагалось навести Порядок. На весь пятничный вечер и субботнее утро мама и Луша облачались в тренировочные костюмы, передники, косынки и резиновые перчатки и терли, вытирали, оттирали, натирали до блеска все, до чего могли дотянуться. Тарелки в сушке нужно было непременно выстроить по размеру, шторы на окнах отдернуть симметрично, покрывала на кроватях расправить гладко, игрушки рассортировать по ящичкам. Потом можно было, тяжело дыша, повалиться на диван, взглянуть на часы, ойкнуть и броситься надевать парадную домашнюю одежду, подготовленную специально к бабушкиному визиту.

– Н-ну-с, – сказала бабушка, пальчик за пальчиком стягивая ажурные дымчато-серые перчатки, – как вы тут живете-можете, холостячки? Мама помогла бабушке снять коротенькую кожаную курточку с меховым воротником и осторожно повесила ее на плечики в шкаф.

– Хорошо живем, – бодро отрапортовала Луша, заглядываясь на ажурные перчатки, – а что такое «холостячки»?

– А вот замуж выйдешь, поймешь, – бабушка открыла шкаф, спрятала перчатки в карман курточки, сняла лакированные сапожки на высоком изящном каблучке и влезла в овчинные тапочки.

– Люсьена, – укоризненно сказала мама.

– А что такое? – бабушка удивленно вздернула четко очерченные брови. – Чем раньше девочка начнет думать о семье, – бабушка сделала ударение на слове «семье», – тем лучше. Одну секундочку. Мне надо позвонить.

Бабушка достала из крохотной сумочки ярко-красный мобильный телефон и прошествовала на кухню. Мама и Луша обменялись понимающими взглядами и тихонько вздохнули.

– Але, Вовик? – уже неся с кухни бабушкин уверенный голос. – Вовик, ты принял таблетку? Да? Молодец. Через полчаса после таблетки нужно покушать. Покушал? Молодец. Что ты покушал? Котлету с хлебом? Вовик, сколько раз я тебе говорила, мясо можно есть только с овощами, я же оставила тебе на столе томаты! Мало ли, что ты не любишь, томаты необходимы мужчинам в твоём возрасте! Обязательно съешь томат, ты меня понял? Все, молодец, отдыхай, еще позвоню.

– Н-ну-с, – бабушка выглянула в коридор, – давайте-ка попьём чайку, поболтаем, а потом ты, доченька, можешь катиться на все четыре стороны. Лишь бы толк от этого был.

Мама покраснела и пошла накрывать на стол. Бабушка села на Лушино любимое место у окна, расправила длиннющую юбку и с заговорщицким видом поманила к себе Лушу.

– А принеси-ка мне мою сумочку, там для тебя есть гостинчик от зайчика!

– Бабу... ой, то есть, Люсьена, – сказала Луша, – не разговаривай со мной как с маленькой, я уже не маленькая, мне почти шесть лет, я уже скоро в школу пойду, ты забыла?

– Во-первых, шесть тебе будет еще только в ноябре, во-вторых, не нужно мне лишний раз напоминать о моем возрасте, а в-третьих, иди за моей сумочкой, – отрезала бабушка.

Луша поплелась обратно в коридор.

– Вся в отца, – фыркнула бабушка, думая, что Луша не слышит, – ты ей слово, она тебе десять.

– Люсьена, не надо, – мягко попросила мама, расставляя чашки.

– Ну конечно, это же у нас табу, молчу, молчу, – ехидно сказала бабушка и опять засюсюкала. – Ой, принесла, Лушенька, молодец, девочка моя хорошая, а ну-ка, посмотрим, что тут у нас...

Бабушка торжественно извлекла из сумочки плитку шоколада и повертела ее перед Лушиным носом.

– Вот какой вкусный гостинчик зайчик Луше передал!

Луша тяжело вздохнула, скрестила руки на груди и медленно, почти по слогам произнесла:

– Люсьена, передай, пожалуйста, зайчику, что я не люблю шоколад.

Мама рассмеялась.

Бабушка бросила плитку на стол и сказала недовольно:

– Что за глупости! Все дети любят шоколад! Отнеси-ка сумочку на место, привереда.

– Давайте пить чай, – сказала мама, все еще улыбаясь, и достала из холодильника специально купленный к бабушкиному приезду торт.

Луша запрыгала и захлопала в ладоши.

– Подожди-ка, – бабушка не дала сразу открыть коробку, а повернула ее к себе этикеткой, – н-ну-с, что вы тут едите? А, йогуртовый, правильно, молодцы. Секундочку, мне надо позвонить.

Бабушка снова взялась за свой телефон, а мама с Лушей стали резать торт. Луша от нетерпения утащила из серединки виноградинку. Бабушка укоризненно покачала головой, не прерывая разговора.

– ...давление измерял? Нет? Почему? Я же попросила тебя через полчаса после таблетки измерить давление! Вовик, это безответственно с твоей стороны! Измерь немедленно, я тебе через пять минут позвоню.

– Как поживает Владимир... э-э-э... извини, я забыла как его по отчеству, – сказала мама, наливая в бабушкину чашку заварку.

– Это абсолютно не имеет значения, – небрежно отмахнулась бабушка.

– Может быть, ты нас как-нибудь познакомишь? – поинтересовалась мама.

– Ой, не забывай себе голову подробностями моей личной жизни, – бабушка отправила в рот внушительный кусок торта. – Займись лучше своей.

«Разговаривать с набитым ртом некультурно», – подумала Луша, но промолчала предусмотрительно.

Про папины волосы

Когда попили чай, мама быстро переоделась, чмокнула Лушу, шепнула на ушко: «Постарайся слушаться бабушку, я скоро!» и ушла.

Бабушка прошлась по квартире, открыла шкаф в маминой комнате, несколько минут придирчиво разглядывала полки и вешалки, процедила сквозь зубы: «Н-ну-с...», закрыла шкаф и принялась так и эдак вертеться перед большим маминым зеркалом. Луша молча наблюдала за ней, сидя на маминой кровати. Бабушка подмигнула ей в зеркале и пропела:

– Что ж ты, милая, смотришь искоса, низко голову наклоня?

– Ты красивая, – признала Луша.

– А то, – бабушка гордо подбоченилась, – я же не старая кошелка какая-нибудь, с сумками по рынкам бегать, я жен-щи-на.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.